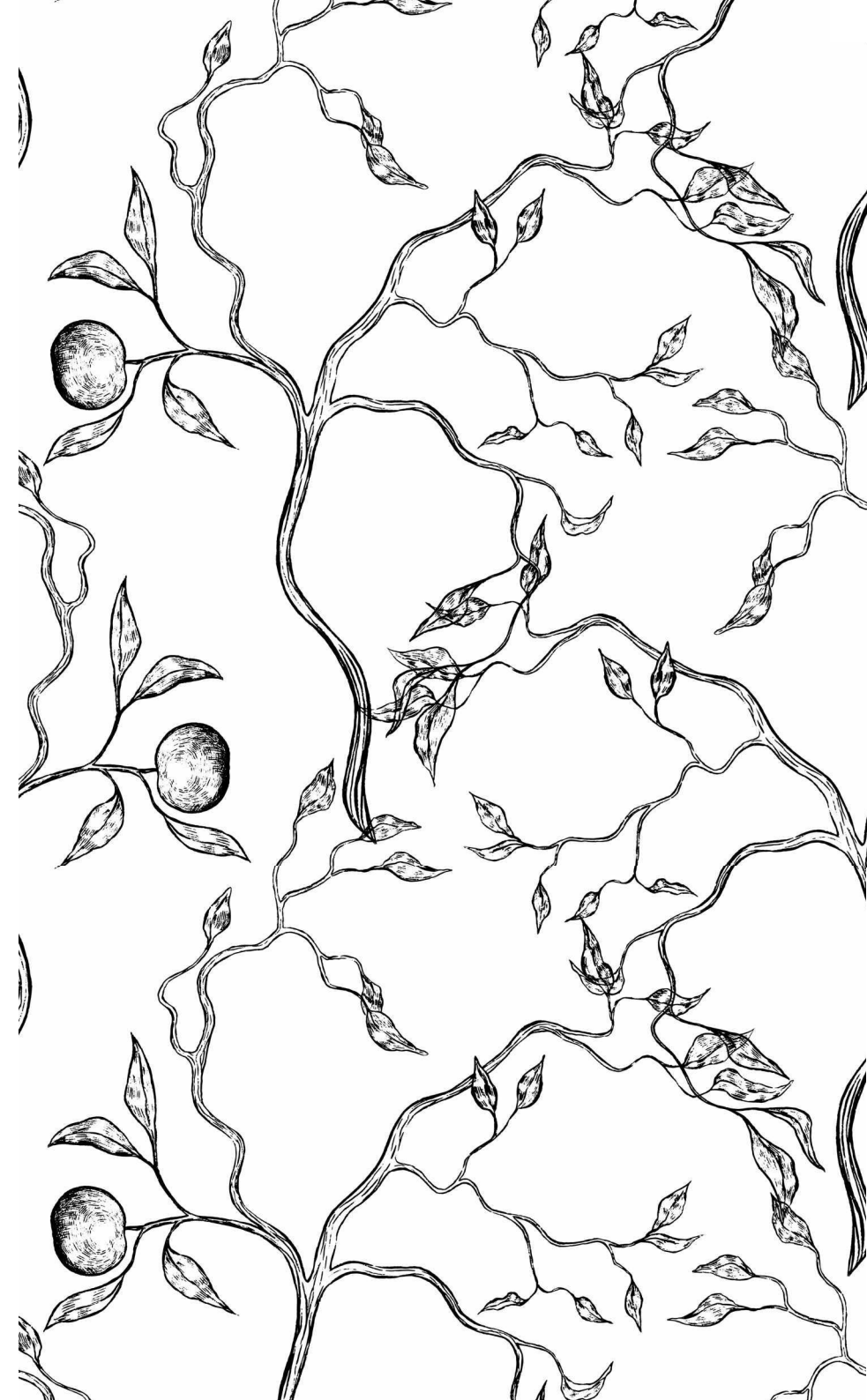
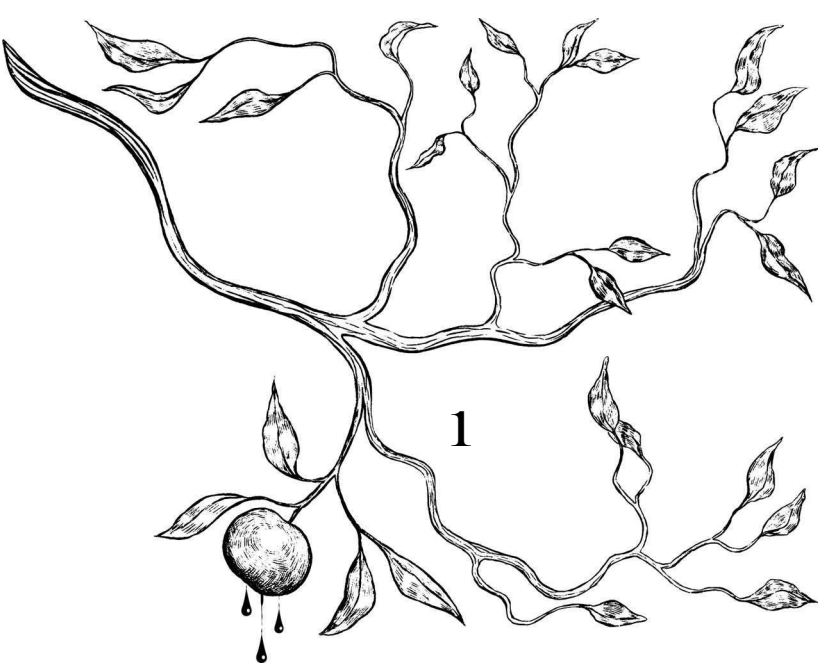

Часть 1
Другой дороги нет

В садах моей матери росли самые красные яблоки в королевстве. Когда подходила пора сбора урожая, ветви яблонь клонились к земле под тяжестью плодов. Их собирали молодые девушки из окрестных селений, а доверенные слуги матери следили за ними: упаси богиня, пропадет хоть одно яблоко! Ведь корзина отборных плодов стоила дорого: за нее платили серебром по весу. Только королевская семья могла позволить себе купить несколько бочек, чтобы круглый год наслаждаться лакомством.

Мне довелось попробовать яблоко из нашего сада только в день пятнадцатилетия. Мать сама выбрала самое большое, самое блестящее яблоко из последнего урожая, поднесла мне на серебряном блюде. Огоньки свечей отражались на гладкой коже яблока, окружая его золотистым сиянием. Я смотрела на источник нашего богатства, как на святыню, и не осмеливалась взять его в руки.

Самое красное яблоко

— Не бойся, дочь моя, — терпеливо улыбнулась мать, величественная, как сама королева. — Вкус тебя не разочарует.

За яблоко я схватилась обеими руками, словно боялась, что мать передумает и отберет такой прекрасный плод, решит оставить его для короля, а мне предложит яблоко поменьше. Сестры смотрели на меня, не скрывая зависти, и в их глазах блестели искры. Они мечтали: придет день и мать также поднесет на блюде алое яблоко каждой из них.

Зажмурившись, я осторожно прокусила тонкую кожуру и впиалась в сочную мякоть. Много дней я представляла, каким же будет этот вкус. Будет ли он похож на кленовый сахар или заморский шоколад, на солнечный мед или варенье из фиалковых цветов?

Мякоть яблока таяла во рту, оставляя теплый, сладкий вкус, пряный и медовый. Ни капельки кислинки не было в нем.

Я ела медленно, смакуя каждый кусочек, и под закрытыми веками мелькало закатное солнце, подарившее плодам огненную красноту лучей, серые проливные дожди, омывшие листья и яблоки до зеркального блеска. Если в мире и была магия, то она воплотилась в этих красных плодах.

На следующий день, как и во многие дни до этого, меня ждало мелкое зеленое яблоко, тусклое и бугристое. Старые кривые яблони росли у стен нашего дома, и плодоносили они яблоками твердыми и кислыми настолько, что челюсть сводило. Даже бедняк побрезговал бы их плодами, но мать заставляла меня и сестер каждый день сгрызать по паре штук, а Маргарет, прекраснейшую из нас, — дважды в день.

ДРУГОЙ ДОРОГИ НЕТ

Воспоминания о сладости красного яблока казались сном.

Ровно через год мать поручила мне следить за сбором урожая. О, как я боялась ее разочаровать! Пожалуй, со времен первого саженца не было в наших садах надсмотрщика настолько сурового и беспощадного! И когда я поднесла матери корзину лучших плодов, блестящих, словно рубины, она была мною довольна.

— Я в тебе не ошиблась. — Мать одарила меня милостивой улыбкой. — Надеюсь, не ошибусь и впредь. Отнеси эту корзину на опушку леса, что в полумиле за нашими садами, и оставь в тени деревьев. А затем беги, беги со всех ног, беги и не оглядывайся!

Я повиновалась, даже не пытаюсь скрыть изумления. Самые яркие, самые сочные плоды мать хотела отдать на поживу зверям и птицам, бессловесным тварям! Или селянам: о, для них это был бы праздник! Но матушка никогда не славилась беззаветной добротой, и потому любопытство разгорелось во мне, тысячей крохотных иголок пробегая по коже.

Я не поднимала глаз, чтоб никто не заметил, что за пламя в них полыхает, чтоб никто не догадался, что за дерзкий план я замыслила.

Я выполнила повеление матери — но не до конца.

От темного сырого леса наши сады отделяло заброшенное, заросшее поле, то ли забывшее плуг пахаря в незапамятные времена, то ли вовсе его не знавшее. Да и сам лес люди не жаловали: ни за ягодами, ни за дичью под его сень не заходили. Тропа к нему, узенькая, заросшая чертополохом и осотом, едва угадывалась, но мощным трактом стелилась

Самое красное яблоко

мне под ноги, и колючки не цеплялись за подол моего платья. Сорные травы вздымались едва ли не с меня ростом, и в тишине безветрия едва заметно покачивались их верхушки, словно кто-то маленький и невидимый резвился среди них.

У самой кромки деревьев, между узловатых вздыбленных корней, лежал плоский валун, огромный, похожий на обеденный стол.

Или на алтарь.

Лучи закатного солнца уже коснулись его поверхности, окрасив в рыжий и бурый. Даже после ясного дня камень источал холод, словно лежал в глубокой могиле или вытесан был из куска колдовского льда, что не тает даже в самый жаростный зной. Робея, я поставила на него корзину, переложила яблоки, чтобы ярче блестели они в закатных лучах, и, помня наказ матери, бросилась прочь через поле. Насчитав с полсотни шагов, я свернула с тропы, с головой нырнув в колючие заросли чертополоха и осота. Я попыталась подкрасться обратно к кромке леса, но терновник цеплялся за платье, вьюнок путался в ногах, а репей оставался в косах непрошеным украшением. Я вся измаялась, пока подобралась обратно к опушке.

Осторожно раздвинув лозы, усыпанные длинными белыми, словно кость, шипами, я взглянула на алтарь. Его уже скрыли удлинившиеся тени и сизый туман, поднимающийся из лесных оврагов.

Но даже в сумраке невозможно было спутать силуэты, обступившие подношение на камне, с людьми. Тонкие и высокие, выше всех, кого я только знала, они двигались легко и плавно, словно в толще воды. Их черные волосы и темные одежды струились, подхваченные несуществующим ветром,

ДРУГОЙ ДОРОГИ НЕТ

а туман рядом с ними белел и ложился на плечи пушистым плащом.

Я следила за ними, прикусив губу и затаив дыхание, следила, не находя в себе сил отвести взгляд. Они были невыразимо прекрасны, как сон в долгую черную ночь зимы. И, как сама зима, они были ужасающи. Мне казалось: стоит опустить взгляд, пошевелиться — и все исчезнет, а я окажусь в самой темной чаще, потерянная и забывшая, кто я есть. Мне казалось, стоит продолжить смотреть на них — и они увидят меня, растерзают и разорвут.

Но даже если бы я и хотела, я не смогла бы перестать любоваться ими.

Как я жалела, что нарушила наказ матушки: как я была счастлива, что это сделала!

Глаза уже слезились от напряжения, их жгло, словно под веки попал песок, а сердце гулко колотилось в пересохшем горле. Затаив дыхание, я следила, как наши темные соседи, добрые соседи вгрызаются в яблоки зубами мелкими и острыми, как у куницы или ласки. Было в этом неурочном пиршестве что-то жуткое, что-то неправильное, так что даже тени удивления не возникло, когда по точеным бледным подбородкам заструился не яблочный сок, а густая, темная кровь. Я только сильнее вцепилась слабеющими пальцами в колючую лозу, чтобы она не стегнула меня по глазам.

Я даже не ощутила, как острый шип пробил кожу, и капли крови окрасили его в красный. Увидела только, как все дивные соседи развернулись в мою сторону, подозрительно втягивая ноздрями воздух. Взгляды их темных, лишенных белков глаз прикипели к окровавленной лозе.

Самое красное яблоко

Я не успела ни испугаться, ни представить, что останется от моего тела после охоты добрых соседей. Они не кинулись в мою сторону, обнажая клинки и когти, нет. Они бросились в лес, прервав свою трапезу, словно бежали от чего-то ужасающего и кошмарного, перед чем они были бессильны.

Когда последний силуэт туманом растворился в темноте леса, я осторожно вышла из своего укрытия, задумчиво зализывая ранку на пальце. Запоздало настигло меня осознание, какой жуткой участи я избежала, и сердце заволокло стучало о ребра, не желая успокаиваться. Сама не понимая, что и зачем делаю, я подошла к опустевшему, покинутому алтарю. На траве рядом с ним лежала пара последних, забытых яблок, сморщенных и подгнивших. Корзинка, валявшаяся у самых корней, от одного прикосновения развалилась на части, словно береста, скреплявшая прутья, давно истлела.

Я поспешила покинуть опушку, вернуться домой, пока тропа еще виднелась в густеющей ночной темноте, но как бы я ни выбивалась из сил, все равно пришла к усадьбе уже после полуночи. Благодарно коснувшись искривленного ствола старой яблони, склонившейся у крыльца, как в детстве попросила у нее сил вынести недовольство матушки — я не сомневалась, что она будет гневаться.

Но она молчала. Она встретила меня у камина, укутала в плед и поднесла чашку с подогретым вином. Только дома, у живого огня, я поняла, как сильно заледенела, словно побывала в могиле.

Я ждала, что мать будет бранить меня и за позднее возвращение, и за разодранное платье, а более всего — за то, что я подглядывала за добрыми соседя-

ДРУГОЙ ДОРОГИ НЕТ

ми, выведав тайну нашего благополучия. Ведь каждому ребенку известно: плату угощением дивные берут лишь за то, что сами и дали.

Но мать улыбалась, а взгляд у нее был довольный, как у сытой кошки. Разбуженные сестры, подавленные и молчаливые, вычесали репы из моих кос, приложили компрессы с бальзамом к расцарапанной, израненной коже. Слуги же, хмурые и испуганные, сожгли лохмотья, в которые превратилось мое платье после острых шипов.

Мрачное настроение обитателей поместья пугало меня особенно сильно по сравнению со спокойной, горделивой радостью моей матери. Их страх стал мне понятен, когда я услышала сплетни прислуги.

Недобрая весть текла из уст в уста, обрстая пугающими подробностями, оставляя в сердцах слушателей лишь оторопь и тоскливый древний ужас перед темным и непознаваемым. И куда бы я ни пошла, всюду преследовал шепот.

Что старшая хозяйская дочь вернулась в отчий дом ровно через год и один день.

2

— Добрые соседи обошлись с тобой жестоко, — сказала мать, когда я наливала ей чай за завтраком. Сестры мои не составили нам компанию: младшая, Маргарет, еще спала, наслаждаясь отсутствием обязанностей, а средняя, Элизабет, еще на заре уехала с управляющим в столицу — проследить за продажей яблочек королевской семье. Дворецкий был хитер, из-

Самое красное яблоко

воротлив, как змей, и всегда пытался уплатить цену ниже положенной.

Раньше мать лично контролировала эту сделку, на все хитрости лукавого служащего отвечая скупой и спокойной улыбкой.

Еще год назад это могло бы стать моей обязанностью.

— Да, — задумчиво повторила мать, поднося ко рту наполненную до краев чашку так, что чай не расплескался, даже не шелохнулся. — Слишком жестоко. Они украли слишком много времени, чтобы ты смогла вернуться к прежней жизни, и слишком мало — чтобы начать новую.

Я неосознанно потянулась к нитке рябины, скрытой плотной и грубой тканью скромного домашнего платья. Мать сама завязала намертво узел этого странного ожерелья на моей шее, и теперь, только прикасаясь к нему, я находила успокоение.

Одно за другим я сгрызала жесткие зеленые яблоки, давясь кислой слюной, но все равно не чувствовала себя в безопасности. Слуги косились на меня, говорили, только отводя глаза да сжимая в карманах нехитрые обереги — щепки боярышника, сухой чертополох да ржавый гвоздь. Я не могла их винить — я сама себе не доверяла.

Мать же относилась ко мне так, словно добрые соседи благословили меня, а не прокляли. Впрочем, кому, как не ей, понимать их извращенную логику?

— Я бы предпочла, — говорила она, когда я только вернулась, — чтобы наследницей осталась ты, ты, уже знающая, кому мы обязаны своим процветанием, кому мы обязаны до конца времен платить дань. Но добрым соседям удобнее не умная хозяйка их сада, а послушная; та, что, как лошадь в шорах, будет ходить

ДРУГОЙ ДОРОГИ НЕТ

по кругу и видеть только то, что ей дозволено. Та, что рано или поздно нарушит их законы, просто не зная о них, не зная, насколько жутким будет наказание.

— Слуги боятся меня, — перебила я тогда ее речь. — Я слышала их шепот: по ночам в моем окне горят зеленые огни, а в комнате пахнет осенним лесом и гнилыми листьями. Они не врут — я и сама видела, как за ночь густой зеленый мох вырастает на камнях в камине. Только если всю ночь поддерживать огонь, сырость отступает. Но разве хоть одна из горничных согласится на это? Слуги боятся меня, и я не могу их винить.

— О, дорогая, — невесело усмехнулась мать, — ты еще не видела, что по ночам творится в моих покоях.

Больше мы к этому разговору не возвращались. Наследницей и хозяйкой так и осталась Элизабет, и в глубине души я была этому рада. После пиршества дивных соседей я не могла смотреть на красные яблоки, не могла без отвращения вспоминать сладость их мякоти. Стоило взглянуть на них, и тут же, как наяву, представлялась кровь, стекающая по дивным лицам, кровь, что яблочным соком запятнала мои пальцы.

Я жила тенью в собственном доме, изгоем, общества которого не чурались лишь двое — мать, однажды сама взглянувшая в глаза дивных соседей, и Маргарет, еще по-детски бесстрашная и мечтательная. Так продолжалось до осеннего равноденствия. Матушка уехала за неделю: слуги поговаривали, что в столицу, аж к королю, но сами не верили своим словам. Разве он снизойдет до своих вассалов?

Прислуга расслабилась, распустилась, больше сплетничая, чем работая. Мне казалось, что шепот преследует меня на каждом шагу. Элизабет ворчала:

Самое красное яблоко

ее власть наследницы и преемницы заканчивалась за границей сада — в поместье слуги относились к ней с натянутым почтением, нелюбовью, смешанной со снисхождением. Ее приказы исполняли спустя рукава, и Элизабет трепетала от едва сдерживаемой злости — ведь Маргарет баловали, тайком подсовывая ей самые сладкие кусочки, с истовой радостью выполняли любой каприз. Меня же и жалели, и боялись, и любую просьбу спешили выполнить побыстрее, чтоб избавиться от моего присутствия, а после, тайком, подсовывали угощения.

Элизабет меня недолюбливала — может, считала, что я все еще угрожаю ее эфемерной власти. Но она единственная без дрожи входила в мою комнату, смотрела на вьюны в камине равнодушным взглядом, словно не замечая их, когда даже храбрая в своей наивности Маргарет не решалась переступить порог моих покоев.

За ночь равноденствия стены моей комнаты сплошь покрылись густым мхом, а между плитами пола пробились мелкие бледные грибы, тонкие и полупрозрачные.

Начиналось темное время года, когда солнце бежало от нас, скупаясь на тепло. Все дольше горели костры в полях, все быстрее прогорали свечи, а в сгущающихся тенях мне мерещились тонкие угловатые силуэты, бледные хрупкие пальцы и мелкие острые зубы, словно дивные соседи следили за мной, за каждым действием, жестом, мыслью. Словно явились лично полюбоваться на результат своей шутки.

Я запретила себе думать о них, запретила себе вцепляться в рябиновое ожерелье, обжигающее кожу.

ДРУГОЙ ДОРОГИ НЕТ

Железо в моей комнате проржавело насквозь. Однажды ночью я взялась за подсвечник, чтобы спуститься на кухню и зажечь свечи от очага — огонь, который высекала я, не разгорался, потухал, исходя дымом, — и подсвечник рассыпался в моих руках, оставив после себя ржавые пятна на пальцах.

Возвращения матери я ждала с нетерпением и надеждой: казалось, стоит истинной хозяйке поместья ступить на подъездную дорожку, как все безобразия и ужасы прекратятся и добрый народ уймется. В конце концов, они и так уже достаточно отплатили за неуважительное любопытство.

Мать вернулась за десяток дней до Самайна, когда селяне уже всю собирали орехи для праздничного угощения и резали на зиму скотину. Стоило ей переступить порог дома, как привычное течение жизни восстановилось само собой: огонь перестал отливаться зеленым по краям, в скрипе половиц затихла едва угадываемая тоскливая мелодия, а мох на стенах и ржавчина на железе оказались всего лишь игрой света и тени.

Только сломанный подсвечник и напоминал о чарах добрых соседей.

Мать была довольна. Она даже не отчитывала слуг, нерасторопно ее встретивших. Когда она сменила дорожную одежду на свободное домашнее платье и устроилась у окна террасы, я пришла к ней рассказать о горестях своих и тревогах, как в детстве. Она слушала, медленно прихлебывая горячее вино со специями, не отводя взгляда от бесприютного, голого осеннего сада. Со стороны казалось, что она поглощена своими размышлениями и обращает на мой голос внимания не больше, чем на потрескива-

Самое красное яблоко

ние поленьев в камине, но я чувствовала: каждое мое слово взвешивается и оценивается тщательнее, чем монеты в лавке менялы.

Допив вино, она еще долго сидела в молчании, баюкая в ладонях чашу. Моя история уже давно подошла к концу, но я осталась рядом с ней, наблюдая, как с яблоневых деревьев ветер срывает последние листья. Мать заговорила, только когда за окнами совсем стемнело, а на стекле проступили наши размытые, зыбкие отражения.

— Тебе не о чем волноваться. — Даже после горького вина голос ее звучал тихо и сишло, словно накануне она спорила с кем-то до хрипоты, не жалея сил. — Отправляйся спать, отныне твои сны будут безмятежны. Можешь снять рябиновое ожерелье — оно тебе больше не пригодится. Там, куда ты отправишься, тебе будет больше не нужна защита.

— Вы... выгоняете меня, матушка? — дрогнувшим голосом спросила я, сдерживая подступающие рыдания.

— Ну что ты. Этот отъезд для твоего же блага.

В этом я не сомневалась. Но как ни назови происходящее, суть его не изменится. Пусть матушка любила меня и гордилась мной, но дальше делить стол и кров с той, что навлекла неудовольствие добрых соседей, она не могла. В конце концов, у нее были еще две дочери, она должна защитить и их.

Ночь я провела без сна и покоя, блуждая по коридорам и прощаясь с родным поместьем. Завтра слуги будут делиться новой сплетней о неупокоенном и проклятом призраке старшей из дочерей хозяйки, исчезнувшей в темное осеннее утро. Уезжать мне предстояло до рассвета, и никого я не позвала